

ЕЛЕНА ТКАЧЕВА

ПОЛКОВОЙ ЛЕКАРЬ

18+

Елена Ткачева

Полковой лекарь

«Автор»

2026

Ткачева Е.

Полковой лекарь / Е. Ткачева — «Автор», 2026

— Ты не понимаешь, с чем играешь.— Я понимаю достаточно.— Ты больна. Испугана. Тебе кажется, что все против тебя.— Мне не кажется.— Если ты откажешься от лечения, ты умрёшь.— От вашего лечения — почти наверняка.Его взгляд стал ледяным.— Ты изменилась.— Да.— Кто ты? Вопрос повис между нами.Сердце ударило неровно.Я посмотрела на мужчину, который хотел знать, что случилось с его женой. Но ответить ему правду я не могла.Не сейчас.

© Ткачева Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пробуждение	5
Глава 2. Первые воспоминания	13
Глава 3. Диагноз	21
Глава 4. Чужое тело	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Елена Ткачева

Полковой лекарь

Глава 1. Пробуждение

Первым я почувствовала тошноту.

Не ту, что возникает после слишком крепкого кофе или ночного дежурства, когда организм требует сна, а желудок — немедленного освобождения от всего съеденного за последние сутки. Эта тошнота была глубокой, вязкой, будто тело пыталось вытолкнуть из себя не пищу, а саму жизнь.

Я открыла глаза.

Потолок был незнакомым.

Белёный, с тонкой трещиной, протянувшейся от люстры к стене. В центре висел светильник, похожий на перевернутый цветок из матового стекла. Никаких больничных ламп, пластиковых панелей и датчиков над головой. Ни ровного писка монитора, ни запаха хлоргексидина, ни приглушённых голосов за дверью.

Только тишина.

Тяжёлая, плотная, нарушаемая лишь потрескиванием огня где-то поблизости.

Я попыталась вдохнуть глубже и тут же пожалела об этом.

В горле пересохло так, словно я провела ночь в пустыне. Язык казался чужим и слишком большим. Во рту стоял горький, металлический привкус.

Отравление.

Мысль пришла мгновенно, раньше страха.

Я не села. Не закричала. Не позвала никого.

Сначала — дыхание.

Вдох. Медленный, неглубокий. Выдох.

Грудная клетка поднималась, хотя вдох давался тяжелее обычного. Боли не было. Свистящего дыхания тоже. Я попробовала вдохнуть ещё раз, задержала воздух на три секунды, выдохнула.

Лёгкие работали.

Пульс.

Я прижала указательный и средний пальцы к запястью. Кожа была холодной, пульс — быстрым и каким-то неровным. Два удара подряд, пауза, ещё три, затем короткий провал.

Я пересчитала за пятнадцать секунд.

Семнадцать.

Около шестидесяти восьми в минуту. Не критично, если бы ритм не был таким странным. Возможно, я ошиблась. Пальцы плохо слушались, а сердце будто сбивалось не от тахикардии, а от нарушения проводимости.

Я снова закрыла глаза и сосредоточилась.

Сердце билось.

Пока этого было достаточно.

Я попробовала пошевелить ногами. Правая отозвалась сразу, левая — с задержкой. Мышечной слабости почти не было, но движения казались вязкими. Пальцы дрожали.

Подняв руку, я поднесла её к лицу.

Рука была тонкой. Слишком тонкой.

На безымянном пальце поблёскивало кольцо с тёмным камнем. Ногти — длинные, ухоженные, покрытые прозрачным лаком. Кожа бледная, без привычных мне мелких порезов, следов перчаток и пересушенности от антисептика.

Я уставилась на ладонь.

Это была не моя рука.

В следующую секунду меня вырвало.

Я успела повернуть голову, но не успела дотянуться до тазика, который стоял на полу возле кровати. Желудок болезненно сократился. Из него вышло немного жидкости — горькой, почти бесцветной, с желтоватым оттенком.

Я зажмурилась и дождалась, пока приступ закончится.

На вкус рвота была странной. Резко горькой. Не просто желчь — в ней чувствовался какой-то химический, травянистый оттенок.

Я провела тыльной стороной ладони по губам.

— Прекрасно, — прошептала я.

Голос прозвучал незнакомо.

Слишком мягко. Слишком высоко.

Я замерла.

В больнице голос у меня был хриплым после ночных операций. Я много пила кофе, мало спала и постоянно срывала связки, перекрикивая шум аппаратов и родственников в приёмном отделении. Этот голос принадлежал другой женщине.

Возможно, я просто проснулась после наркоза, подумала я.

Это было наиболее рациональное объяснение.

Наркоз. Послеоперационное состояние. Галлюцинации. Дезориентация. Побочное действие препаратов.

Я огляделась.

Комната была просторной, но совершенно не похожей на больничную палату. Высокие стены, обитые бледно-зелёной тканью. Тяжёлые занавеси на окнах. Кровать с деревянным изголовьем, украшенным резьбой. На прикроватной тумбе — фарфоровый кувшин, стакан, серебряный подсвечник и маленькая шкатулка.

Никаких розеток.

Никаких медицинских приборов.

Никаких кнопок вызова.

Я медленно села.

Комната качнулась. В висках стукнуло. Перед глазами на мгновение потемнело, и пришлось опереться ладонью о матрас.

Слабость была настоящей.

Я прикрыла глаза и стала проверять себя по порядку.

Сознание сохранено. Речь сохранена. Понимание сохранено. Двигательные функции — с некоторым нарушением координации. Чувствительность? Я провела ногтем по предплечью, затем по бедру. Ощущения были нормальными.

Зрачки.

Я повернулась к зеркалу, стоявшему у стены.

Первые несколько секунд я не узнавала женщину в отражении.

Она сидела на кровати, придерживая одной рукой распущенные тёмные волосы. Лицо было бледным, осунувшимся, с синеватой тенью под глазами. Губы почти бесцветные. На ней была длинная белая сорочка с высоким воротом, расшитым серебряной нитью.

Я поднялась.

Ноги подогнулись, и я вцепилась в край кровати.

В зеркале женщина повторила движение.

Я шагнула ближе.

Глаза — серые. Большие. Зрачки расширены, почти скрывали радужку.

Я поднесла к лицу руку, закрыла сначала правый глаз, потом левый. Реакция на свет была вялой. Я подошла к окну и отдернула край занавеси.

За стеклом стояла ночь.

Где-то вдалеке тянулись огни. Не фонари — скорее факелы или свечи. На фоне чёрного неба возвышались башни с остроконечными крышами. Ни одного знакомого здания. Ни одного рекламного щита, автомобиля, вышки связи.

Я резко дернула занавес.

На подоконнике лежала тонкая металлическая пластинка. Я схватила её и посмотрела на отражение.

Зрачки действительно были расширены.

Антихолинергический синдром? Сухость слизистых, мидриаз, тахикардия, спутанность сознания. Но меня не мучило настолько, чтобы я перестала понимать происходящее. Кожа не была горячей. Пот отсутствовал — но, возможно, в комнате было прохладно.

Я открыла рот и осмотрела язык.

Сухой. С белёсым налётом. Дёсны бледные.

Пальцы дрожали всё сильнее.

Я провела ладонью по шее, затем по груди, пытаюсь оценить сердцебиение. Оно было нерегулярным. Не просто быстрым — с перебоями.

Возможна интоксикация сердечными гликозидами. Или каким-нибудь растительным алкалоидом. Тошнота, нарушения ритма, слабость, расширенные зрачки...

Я заставила себя остановиться.

Сначала — источник.

Потом — время.

Потом — лечение.

Я снова посмотрела на комнату.

На столике рядом с кроватью стоял небольшой хрустальный флакон. Внутри оставалось немного мутной золотистой жидкости. Рядом — чашка, на дне которой застыл тёмный осадок.

Я подошла к столу, стараясь не делать резких движений. Запах от флакона был слабым, но различимым: горькие травы, сладковатая приторность и что-то похожее на горелый миндаль.

Я не стала подносить его к губам.

Вместо этого взяла чашку и понюхала.

Запах усилился.

Тошнота тут же вернулась, но я сдержалась.

Отравление почти не вызывало сомнений.

Вопрос был в другом: кто меня отравил и почему я ещё жива?

Я поставила чашку обратно.

На внутренней стороне левого локтя обнаружилось небольшое пятно — красноватое, с тёмной точкой в центре. Я наклонилась ближе.

След от укола.

Не свежий. Вокруг уже проступал желтоватый синяк.

Я коснулась его подушечкой пальца. Боль была резкой.

Внутривенно? Нет. След слишком маленький. Возможно, подкожная инъекция. Или прокол иглой, если в этом мире вообще существовали иглы такого размера.

Я осмотрела остальные участки кожи. На правом запястье виднелся тонкий синяк, будто кто-то крепко держал меня. На ключице — едва заметная царапина. На левой стороне шеи — маленькое коричневатое пятно, похожее на родинку.

Я не знала ни одного из этих признаков.

Но тело знало.
В памяти мелькнула вспышка.
Белая лестница. Музыка. Чей-то смех. Мужской голос, раздражённый и тихий:
— Ты должна быть разумнее.
Затем — женские пальцы, сжимающие моё запястье.
— Выпей. Это всего лишь успокоительный настой.
Я отшатнулась от стола.
В груди стало холодно.
Воспоминание исчезло так же быстро, как появилось. Осталось только неприятное ощущение чужого прикосновения.
Я прижала пальцы к вискам.
— Хорошо, — сказала я своему отражению. — Не паникуем.
Это была моя стандартная фраза перед сложной операцией.
Не паникуем. Сначала оцениваем ситуацию. Потом действуем.
Я снова заставила себя мыслить как врач.
Если прошло немного времени, часть яда всё ещё находилась в желудке. Нужно промывание. Сорбент. Поддержка дыхания и сердечного ритма. Но без лаборатории, препаратов и нормального оборудования я могла рассчитывать только на то, что найду в комнате.
Я посмотрела на кувшин.
Вода.
Может быть, чистая. Может быть, нет.
Я налила немного в стакан и понюхала. Ничего подозрительного. Сделала маленький глоток.
Вода была прохладной, с металлическим привкусом.
Я выпила ещё немного, затем поставила стакан и заставила себя вызвать рвоту. Это не было красивым или героическим. Я согнулась над тазиком, двумя пальцами нажала на корень языка и дождалась очередного мучительного спазма.
Вышло совсем немного жидкости.
Содержимое желудка почти отсутствовало. Значит, либо меня отравили давно, либо я уже несколько раз теряла сознание и меня поили насильно.
Эта мысль заставила меня замереть.
Я медленно выпрямилась.
В комнате кто-то был.
Не сейчас. Раньше.
Кто-то держал меня, поил, колол, укладывал обратно в постель.
Или наблюдал, как я умираю.
Я посмотрела на дверь.
За ней слышались шаги.
Шаги были лёгкими, торопливыми. Кто-то остановился у порога, постоял несколько секунд и постучал.
Я не ответила.
Дверь всё равно открылась.
В комнату вошла девушка лет восемнадцати или около того. На ней было простое тёмное платье с белым воротником и накрахмаленный передник. В руках она держала поднос: миску с супом, чашку и маленький кувшин.
Увидев меня стоящей, девушка застыла.
Поднос едва не выскользнул из её рук.
— Ваше высочество...
Она осеклась.

— Ваша светлость.

Я молчала.

Девушка смотрела на меня с таким ужасом, будто перед ней стоял призрак. Затем быстро поставила поднос на ближайший столик и присела в поклоне.

— Вы проснулись.

— Где я? — спросила я.

Она подняла голову.

Её взгляд метнулся к моему лицу, потом к пустому тазику, затем к флакону на столе.

Слишком быстро.

Она всё понимала.

— В ваших покоях, миледи.

— Каких покоях?

Девушка побледнела.

— В западном крыле, ваша светлость.

— Как меня зовут?

Вопрос вырвался раньше, чем я успела его обдумать.

Служанка уставилась на меня.

Я видела, как у неё дрогнули губы.

— Миледи?..

— Как меня зовут?

Она прижала руки к юбке.

— Графиня Элиана Вейр.

Имя ничего мне не сказало.

Но тело отозвалось.

В ушах зашумело. Перед глазами вспыхнул зал, полный свечей. На пальце блеснуло это самое кольцо. Мужчина с тёмными волосами наклонился ко мне и улыбнулся без радости.

Элиана.

Я закрыла глаза.

Служанка резко вдохнула.

— Ваша светлость, вам нельзя вставать. Лекарь сказал, что вы должны лежать. Я сейчас позову господина...

— Какого лекаря?

— Дворцового.

— Нет.

Ответ прозвучал так резко, что девушка вздрогнула.

Я сама не ожидала, что голос будет настолько твёрдым.

— Никого не зовите.

— Но, миледи...

— Вы принесли мне это?

Я указала на миску.

Девушка побледнела ещё сильнее.

— Это суп.

— Я спросила, вы его приготовили?

— Нет, кухня.

— Кто велел принести?

Она замолчала.

Вот оно.

Не страх за больную. Не растерянность перед внезапным пробуждением. Она боялась неправильно ответить.

— Кто? — повторила я.

— Господин граф.

Граф.

Муж.

Воспоминание пришло сразу — настолько ярко, что я пошатнулась.

Высокий мужчина в чёрном камзоле. Узкое лицо. Светлые глаза. Рука на спинке кресла.

Он смотрит не на меня, а на закрытый ящик письменного стола.

Ты не понимаешь, что делаешь, Элиана.

Я понимаю достаточно, Маркус.

Тогда пойми и это. Если ты не родишь наследника, всё закончится вместе с тобой.

Воспоминание исчезло.

Я ухватила за край стола.

Служанка бросилась ко мне, но я отступила.

— Не прикасайтесь.

Она замерла.

Я посмотрела на неё внимательнее.

— Как вас зовут?

— Мира.

— Мира, принесите мне чистую воду. Не из этого кувшина. Из колодца или откуда вы её берёте. И чистую ткань.

— Я позову лекаря.

— Нет.

— Но граф приказал...

— Граф здесь?

— Нет, ваша светлость.

— Тогда слушайте меня.

Я говорила медленно, отчётливо, как с молодым интерном, который вот-вот совершит ошибку.

— Я отравлена. Если вы принесёте мне ещё один настой или лекарство без моего разрешения, я умру. Если позовёте лекаря, который уже лечил меня, я, возможно, тоже умру. Поэтому принесите воду и ткань. И никому не сообщайте, что я проснулась.

Мира смотрела на меня, не моргая.

— Вы... вы уверены, миледи?

— Я врач.

Слово сорвалось само.

На лице девушки появилось непонимание.

Конечно. В этом мире она могла не знать такого слова. Или знала, но не в том значении.

Я сжала пальцы.

— Я умею лечить людей.

Это прозвучало правдоподобнее.

За дверью снова послышались шаги.

На этот раз тяжёлые.

Мужские.

Мира обернулась.

Я почувствовала, как сердце пропустило удар, а затем забилось быстрее.

Тело узнало его раньше меня.

Маркус.

Дверь открылась, и на пороге появился мужчина из вспышки памяти.

Он был красив. Именно это я отметила первым — и тут же разозлилась на себя за такую мысль. Красивое лицо не отменяет расширенных зрачков, сухости во рту и следа от укола на руке. Красивое лицо не отменяет страха служанки.

Маркус задержал взгляд на мне.

На несколько секунд в его выражении мелькнуло нечто, очень похожее на разочарование. Потом оно исчезло.

— Элиана, — сказал он мягко. — Ты уже встала?

Я не ответила.

Он сделал шаг внутрь.

Я отступила к окну, так чтобы между нами оставался стол.

— Не приближайтесь.

Маркус остановился.

Мира тихо ахнула.

— Ты меня не узнаёшь?

— Узнаю.

Это была ложь. Но память тела помогала.

— Вы мой муж.

Он улыбнулся.

— Конечно.

Улыбка не дошла до глаз.

Я посмотрела на его руки. Никаких видимых следов. Ногти чистые. На правом указательном пальце — тонкая царапина. На манжете — бледное пятно, словно от лекарственного порошка.

— Я просила не звать никого, — сказала я Мире.

— Она испугалась, — ответил Маркус. — Ты была без сознания почти сутки.

Почти сутки.

Я быстро подсчитала. Если яд принят вчера вечером, желудок уже пуст. Если раньше — промывание бессмысленно. Но сердечные симптомы могли усилиться в ближайшие часы.

— Кто меня лечил?

— Дворцовый лекарь.

— Какой диагноз он поставил?

Маркус чуть склонил голову.

— Нервная горячка. Истощение. Тебе нужен покой.

— Нервная горячка не вызывает выраженного мидриаза и аритмии.

Он замер.

Мира перевела взгляд с него на меня.

Я тоже поняла, что сказала лишнее.

Маркус медленно прикрыл дверь.

— Ты говоришь странные вещи.

— Я много чего ещё могу сказать.

В комнате стало холоднее.

Или мне просто показалось.

Он подошёл к столу и взял флакон с золотистой жидкостью.

— Это успокоительный настой.

— Я знаю.

— Тогда выпей немного.

Он протянул флакон.

Я не шевельнулась.

— Нет.

— Элиана.

— Я сказала нет.

Его взгляд стал жёстким. Всего на мгновение, но я заметила.

Хирурги привыкли видеть людей в момент, когда маска слетает. Перед операцией, после плохих новостей, во время боли. Самые воспитанные родственники начинали кричать, самые уверенные пациенты — умолять, а самые заботливые супруги иногда спрашивали не о состоянии больного, а о том, сколько будет стоить лечение.

Маркус сейчас смотрел не на больную жену.

Он смотрел на сорванный план.

Я почувствовала, как внутри поднимается холодная, ясная злость.

Страх тоже был. Его нельзя было отрицать. Я находилась в чужом доме, в чужом теле, среди людей, которых не знала. У меня не было документов, телефона, денег, привычного мира и даже собственного имени.

Но я была врачом.

А врач, который видит угрозу, сначала ищет способ выжить.

Я медленно отступила от окна к столу. Маркус следил за каждым движением.

— Мира, — сказала я, не отводя взгляда от мужа. — Выйдите и принесите воду.

— Но...

— Сейчас.

Служанка посмотрела на Маркуса.

Он едва заметно кивнул.

Мира поклонилась и вышла.

Дверь закрылась.

Мы остались вдвоём.

Маркус поставил флакон на стол.

— Ты ничего не помнишь?

— Почему вы так решили?

— Ты ведёшь себя иначе.

— Может быть, я заболела.

— Ты больна уже давно.

Он произнёс это спокойно. Почти ласково.

— Но раньше ты хотя бы понимала, когда нужно слушаться.

Я посмотрела ему в глаза.

— А если я больше не хочу слушаться?

Маркус улыбнулся.

На этот раз — по-настоящему.

И от этой улыбки у меня свело желудок сильнее, чем от яда.

— Тогда нам придётся заново договориться.

За дверью послышались удаляющиеся шаги Мира.

Я бросила взгляд на флакон.

На тёмный осадок у дна.

На след укола на своей руке.

На мужчину, который называл меня женой и смотрел на моё пробуждение как на неудачу.

Я не знала, что произошло со мной.

Не знала, как оказалась в этом теле.

Не знала, кто такая графиня Элиана Вейр и почему её муж хочет, чтобы она снова уснула.

Но одно я понимала уже точно.

Меня пытались убить.

И пока моё сердце продолжало биться, делать это второй раз я им не позволю.

Глава 2. Первые воспоминания

Маркус не торопился уходить.

Он стоял у стола, положив кончики пальцев на крышку флакона, и смотрел на меня с тем спокойствием, которое обычно появлялось у людей, уверенных в своём праве задавать вопросы.

Или у людей, привыкших, что им не отвечают.

— Ты помнишь, что случилось? — спросил он.

Я не стала отвечать сразу.

Он хотел знать не то, что я чувствую. Не то, насколько сильна боль. Не то, нужен ли мне врач.

Его интересовало, что осталось в моей голове.

— Я помню, что проснулась, — сказала я.

— До этого.

— Ночь.

— Какую ночь?

Я посмотрела на него.

— Ту, после которой проснулась.

Маркус едва заметно сжал челюсть.

Если бы я не привыкла наблюдать за людьми в операционной, возможно, не заметила бы. Но хирург видит, когда человек врёт, боится или пытается удержать лицо. Иногда пациент ещё говорит, что не волнуется, а его пульс уже выдаёт обратное.

Маркус не просто волновался.

Он проверял ущерб.

— Ты была очень больна, — сказал он. — Дворцовый лекарь опасался, что лихорадка повредила память.

— А если повредила?

— Тогда всё вернётся со временем.

Слишком быстрый ответ.

Слишком удобный.

Он не выглядел расстроенным. Мужчина, который почти потерял жену, должен был бы хотя бы пытаться изобразить тревогу. Маркус изображал её — мягкий голос, чуть нахмуренные брови, осторожная поза. Но за всем этим скрывалось нетерпение.

Он ждал не моего выздоровления.

Он ждал, что я умру.

Я не знала почему, но тело знало.

От одного взгляда на него в груди поднималась тяжесть, а пальцы сами сжимались. Не страх — не совсем. Скорее привычка защищаться.

Эта женщина боялась собственного мужа.

В дверь постучали.

Маркус обернулся.

— Войдите.

Мира вернулась с кувшином и чистой тканью. Она держала их обеими руками, стараясь не расплескать воду. За ней вошёл пожилой мужчина в сером кафтане.

Я сразу узнала его как врача — точнее, человека, который считал себя врачом.

На шее у него висела цепочка с золотым медальоном. Волосы были собраны на затылке, руки прятались в широких рукавах. Он пах сушёными травами, ладаном и старой шерстью.

— Миледи, — сказал он. — Я слышал, что вы пришли в себя.

— Как видите.

Маркус отошёл в сторону, уступая ему место.

Не вмешивался.

Наблюдал.

Пожилой лекарь приблизился, раскрыл кожаную сумку и достал небольшой стеклянный сосуд.

— Я осмотрю вас.

— Нет.

Мужчина застыл.

— Миледи?

— Я не нуждаюсь в осмотре.

— Ваше состояние крайне...

— Я знаю своё состояние лучше вас.

Он посмотрел на Маркуса.

Тот молча кивнул.

Я заметила это.

Незаметный обмен взглядами. Разрешение. Сигнал.

Лекарь подошёл ближе и протянул руку к моему запястью. Я позволила ему коснуться кожи, но не сводила глаз с его лица.

Пальцы у него были сухими и холодными.

— Пульс слабый, — сказал он. — Сердце бьётся неровно.

— Давно?

— Уже несколько дней.

— Почему мне не сказали?

Лекарь кашлянул.

— Вы были не в том состоянии, чтобы...

— Какой диагноз?

— Сильное истощение. Нервная горячка. Возможно, приступ меланхолии.

— Меланхолия не вызывает мидриаз.

Он нахмурился.

— Простите?

— Расширенные зрачки.

— Это следствие лихорадки.

— А аритмия?

— Слабость.

— А след от укола?

Его рука дрогнула.

Всего на мгновение.

Но этого было достаточно.

Маркус посмотрел на мой левый локоть.

Я не сводила глаз с лекаря.

— Какой укол мне делали?

— Лекарственный, — ответил он после короткой паузы.

— Какой препарат?

— Успокоительный.

— Название?

Пожилой мужчина поджал губы.

— Миледи, вы не в состоянии вести допрос.

— Я вполне в состоянии заметить, что вы не отвечаете.

Мира замерла у двери.
Маркус тихо произнёс:
— Элиана.

Внутри меня что-то откликнулось на это имя.

Не мысль. Не память. Скорее ощущение — как будто меня позвали издалека, и я обернулась, хотя не знала, кто говорит.

Элиана.

Графиня Элиана Вейр.

Я посмотрела на Маркуса.

Он заметил перемену в моём лице.

— Ты вспомнила?

Вопрос прозвучал слишком быстро.

Я заставила себя моргнуть.

— Что?

— Твоё имя.

— Вы только что его произнесли.

Разочарование скользнуло по его лицу.

Он попытался скрыть его, но не успел.

Я почувствовала странную уверенность: он хотел, чтобы я вспомнила не имя. Он хотел, чтобы я вспомнила что-то конкретное.

Что именно?

Свадьбу?

Документы?

Наследника?

Или то, что произошло в запертом кабинете?

Я закрыла глаза.

Сначала пришёл запах.

Воск. Розы. Горячее вино. Тяжёлые духи, от которых першило в горле.

Потом — музыка.

Скрипки играли быструю мелодию, а вокруг кружились пары. Зал сиял сотнями свечей. На стенах висели зелёные знамёна с серебряным гербом — птица или крылатый зверь, расправивший крылья над короной.

Я стояла посреди зала в платье, слишком тяжёлом для человеческого тела. Корсет стягивал рёбра. На шее лежало ожерелье из тёмных камней.

Передо мной был Маркус.

Моложе. Увереннее. В чёрном мундире, с серебряной цепью на плечах.

Он держал меня за руку, улыбался гостям и шептал, не меняя выражения лица:

— Не смотри на герцогиню. Она ждёт, когда ты ошибёшься.

— Я не боюсь её.

— А зря.

— Ты обещал, что сегодня мы уедем рано.

— Сегодня ты должна улыбаться.

Он сжал мои пальцы.

Слишком сильно.

Воспоминание оборвалось.

Я открыла глаза.

Маркус всё ещё стоял напротив.

— Тебе плохо? — спросил он.

— Вспомнила бал.

Мира резко вдохнула.

— Какой бал?

Маркус бросил на неё предупреждающий взгляд.

Служанка тут же опустила голову.

— Свадебный, — сказала я. — Наш.

Лицо Маркуса стало непроницаемым.

— И что ещё?

Он задал вопрос будто бы небрежно, но голос стал жёстче.

— Ничего.

— Ты уверена?

— Нет.

Я присела на край кровати. Ноги всё ещё дрожали. Мира поставила кувшин на стол и налила воду в стакан.

Я взяла его обеими руками.

— Элиана, — сказал Маркус, — тебе нужно спокойно восстановиться. Не следует напрягать память.

— Почему?

— Потому что воспоминания могут быть ложными.

— Все?

— После лихорадки — многие.

Я отпила воды.

Металлический привкус стал слабее. Или я просто привыкла.

— Вы хотите, чтобы я ничего не вспоминала?

— Я хочу, чтобы ты поправилась.

Вот теперь он произнёс это слишком быстро.

Я подняла глаза.

Маркус замолчал.

Между нами повисла тишина.

Где-то в стенах тикали часы. Или это был механизм, похожий на часы. Секунды отмерялись тяжело, словно кто-то считал их до определённого момента.

Пожилый лекарь кашлянул.

— Миледи, вам нужно принять настой.

— Нет.

— Он укрепит сердце.

— Вы не знаете, что у меня в сердце.

— Ваше состояние...

— Моё состояние ухудшилось после вашего лечения.

Лекарь побледнел.

Маркус сделал шаг вперёд.

— Ты обвиняешь лекаря в отравлении?

Я внимательно посмотрела на него.

— Я задаю вопросы.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Пока не до конца.

Это была правда.

Внутри меня вспыхивали чужие воспоминания, но они не складывались в цельную картину. Я видела отдельные сцены, слышала обрывки голосов, чувствовала эмоции, которые не принадлежали мне.

Ревность.

Обида.

Одиночество.

И страх.

Очень много страха.

Я снова закрыла глаза.

На этот раз память пришла не постепенно, а ударила сразу.

Женщина с рыжевато-каштановыми волосами сидела рядом со мной у окна. На ней было голубое платье, а на пальце — кольцо с рубином. Она держала меня за руку обеими ладонями.

— Ты должна уехать, — говорила она.

— Куда?

— Куда угодно. К сестре в Ридаль. В монастырь. Даже к северным гарнизонам.

— Селия, ты говоришь так, будто он способен меня убить.

Женщина сжала мои пальцы.

— Маркус не станет пачкать руки сам.

— Ты его боишься?

— Я боюсь не его.

— Тогда кого?

Селия посмотрела в сторону двери.

— Тех, кто уже решил, что ты умерла.

Воспоминание оборвалось.

Я резко вдохнула.

На этот раз Маркус услышал.

— Что ты вспомнила?

Его голос был тихим.

Слишком тихим.

— Подругу.

— Какую?

— Селию.

В комнате что-то изменилось.

Пожилый лекарь отвёл взгляд. Мира побледнела. А Маркус застыл.

Всего на секунду.

Потом спросил:

— Что она говорила?

Я сделала вид, что не заметила его реакции.

— Что мне нужно уехать.

— Почему?

— Не помню.

— Она приходила к тебе перед приступом?

— Возможно.

— Что ещё ты помнишь?

Он уже не притворялся, что беспокоится о моём здоровье.

Теперь это был допрос.

Я поставила стакан на стол.

— Почему вы так хотите знать?

— Потому что ты моя жена.

— И это даёт вам право проверять мою память?

— Я пытаюсь понять, насколько серьёзно ты больна.

— Тогда спросите, где болит.

— Где болит?

— Везде.

Маркус стиснул зубы.

Я отвернулась от него и посмотрела на лекаря.

— Выйдите.

— Миледи...

— Выйдите.

— Но граф...

— Я сказала — выйдите.

Лекарь снова посмотрел на Маркуса.

Тот кивнул.

Пожилый мужчина поклонился и вышел, забрав с собой сумку. Дверь закрылась.

Мира осталась у стены, не зная, куда деть руки.

— Вы тоже можете выйти, — сказала я.

Она посмотрела на Маркуса.

— Мира, — произнёс он.

В одном слове было достаточно угрозы.

Служанка вздрогнула и опустила голову.

— Да, милорд.

Она вышла.

Теперь мы снова остались вдвоём.

Я не спрашивала Маркуса, почему он отпустил её. Мне нужно было, чтобы он говорил.

Чем дольше человек объясняет свои действия, тем больше шансов, что он ошибётся.

— Кто такая Селия? — спросила я.

— Твоя подруга.

— Насколько близкая?

— Вы были знакомы с детства.

— И она часто приходила сюда?

— Иногда.

— А перед тем, как я заболела?

— Не помню.

Ложь.

На этот раз я была уверена.

Он ответил слишком быстро и не посмотрел мне в глаза.

Я снова попыталась вызвать воспоминания.

Висок пронзила боль.

Комната поплыла. На мгновение я оказалась в другом месте — в кабинете с тёмными деревянными стенами.

Передо мной лежали раскрытые документы.

На одном из листов я увидела знакомый герб.

На другом — строки, написанные мелким почерком.

В случае смерти графини...

Дальше буквы расплывались.

Маркус стоял у стола.

— Ты не можешь распорядиться землями без моего согласия.

— Могу. Это мои земли.

— Ты моя жена.

— Брак не делает тебя владельцем моего рода.

— Пока ты жива — нет.

Он произнёс это почти спокойно.

За его спиной стояла Селия.
Она плакала.
— Элиана, пожалуйста, не доводи его.
— Это вы меня довели.
— Мы хотим тебе помочь.
— Вы хотите моего наследника.
Маркус шагнул к столу.
— Ты должна понимать: если у нас не будет ребёнка, род прекратится.
— Род прекратится со мной. Не с тобой.
— И титул тоже.
Я вспомнила его взгляд.
Не мужа.
Человека, который стоял перед закрытой дверью и ждал, когда она откроется.
Или когда умрёт тот, кто держит ключ.
Я снова вернулась в спальню.
Меня трясло.
Маркус стоял на том же месте, но теперь я смотрела на него иначе.
Не как на незнакомого мужчину.
Как на человека, которого прежняя Элиана знала слишком хорошо.
— Мы ссорились, — сказала я.
Это было не вопросом.
Маркус чуть опустил голову.
— В каждом браке бывают разногласия.
— Из-за ребёнка?
Он помедлил.
— У нас не было наследника.
— И вы считали это моей виной?
— Я никогда тебя не обвинял.
Новая вспышка.
Селия сидит на краю кровати и держит мою руку.
— Ты должна принять лекарство, Элиана.
— Я не хочу.
— Если ты заболеешь сильнее, он добьётся своего.
— Кто?
Селия молчит.
За дверью слышны шаги Маркуса.
— Выпей, — шепчет она. — Это поможет тебе уснуть.
В её руке — маленький флакон с золотистой жидкостью.
Я открыла глаза.
Взгляд упал на тот самый флакон, стоявший на столе.
Тошнота поднялась к горлу.
— Селия приносила мне лекарства?
Маркус не ответил.
И этого было достаточно.
— Она приносила?
— Иногда.
— А этот настой?
— Его приготовил лекарь.
— Но принесла Селия?

Маркус посмотрел на флакон.

— Возможно.

— Вы не знаете?

— Ты была больна. Многие заботились о тебе.

— Я спрашиваю не о многих.

В его лице впервые появилась трещина.

— Селия хотела помочь.

— Чем?

— Ты слишком подозрительна.

— А вы слишком нервно отвечаете.

Маркус резко отвернулся.

Вот теперь я была уверена окончательно.

Он пришёл не убедиться, что я жива.

Он пришёл выяснить, что я помню.

Свадебный бал его не интересовал. Селия — интересовала. Разговор о наследнике — тем более. Запертый кабинет, документы, земли, титул — всё это было связано.

Я пока не знала как.

Но знала, что моё пробуждение разрушило чей-то расчёт.

— Мне нужно отдохнуть, — сказала я.

Маркус посмотрел на меня с холодной улыбкой.

— Конечно.

Он взял флакон со стола.

Я не успела понять, зачем, пока он не сделал шаг к камину.

Жидкость вспыхнула синим пламенем.

Я напряглась.

— Что вы делаете?

— Уничтожаю лекарство, которое тебе больше не понадобится.

Он вылил остатки в огонь.

Пламя вспыхнуло ярче, затем погасло.

Запах горького миндаля стал сильнее.

Маркус поставил пустой флакон на каминную полку.

— Отдыхай, Элиана.

Он уже дошёл до двери, когда я спросила:

— Почему вы называли меня миледи, а не женой?

Маркус остановился.

Медленно обернулся.

Я сама не знала, откуда взялся вопрос. Наверное, из воспоминания. Или из инстинкта.

Он смотрел на меня несколько долгих секунд.

— Ты больна, — произнёс он наконец. — Не придавай значения словам.

— Я придаю значение всему.

Глава 3. Диагноз

Замок щёлкнул за спиной Маркуса.

Я ещё несколько секунд стояла у двери, прижав ладонь к холодному дереву. В коридоре постепенно стихали шаги. Сначала ушёл лекарь, потом Маркус. Кто-то остался у лестницы — тяжёлые сапоги время от времени скрипели по полу.

Охрана.

Или надзор.

Я медленно отошла от двери.

Комната казалась прежней, но теперь каждая вещь в ней выглядела иначе. Флакон на каминной полке. Кувшин с водой. Чашка с тёмным осадком. Кровать, на которой меня оставили умирать. Даже занавеси казались частью декорации, подготовленной для чужой смерти.

Я вернулась к столу и села.

Слабость усиливалась. Тело будто налили свинцом. Пальцы дрожали, в висках стучало, а под рёбрами справа тянуло тупой болью.

Печень.

Я прижала ладонь к боку и осторожно надавила.

Боль усилилась.

— Замечательно, — пробормотала я. — Просто замечательно.

В моей практике не было слова «замечательно», когда боль локализовалась в правом подреберье, сопровождалась тошнотой, нарушением ритма и неврологическими симптомами.

Я снова проверила пульс.

Десять ударов за десять секунд. Сто двадцать в минуту.

Сердце ускорилося.

Я закрыла глаза, заставляя себя дышать медленнее.

Вдох на четыре счёта. Пауза. Выдох на шесть.

Снова.

Тело не слушалось так, как должно было. Я привыкла доверять себе: своим рукам, памяти, реакции, способности заметить малейшее изменение цвета кожи или характера дыхания. Но теперь каждая попытка подняться требовала усилия.

И это была не просто слабость после пробуждения.

Я была отравлена.

Причём давно.

Острое ухудшение наступило сегодня или прошлой ночью, но яд поступал в организм постепенно. Об этом говорили не только симптомы, но и тело.

Синяки под глазами. Сухая кожа. Потеря веса. Ломкость ногтей. След от укола. Периоды провалов памяти. Чужие воспоминания о горьких настоях.

Хроническая интоксикация с острым приступом.

Я произнесла диагноз вслух, будто находилась на утренней конференции:

— Хроническое отравление. Сейчас — острое ухудшение.

Голос звучал глухо.

Я подняла взгляд на зеркало.

В отражении женщина выглядела испуганной, но не растерянной. Будто прежняя графиня ещё оставалась внутри — где-то за глазами, в напряжении губ, в том, как плечи сами собой сжимались при воспоминании о Маркусе.

Я не знала, какой яд использовали.

Но могла определить направление поиска.

Горечь во рту — не специфический симптом. Её дают сотни веществ: от безобидных трав до соединений, которые убивают сердце.

Слабость и тошнота — тоже.

Но вместе с ними были:

перебои сердечного ритма;

расширенные зрачки;

нарушение координации;

замедленные реакции;

провалы памяти;

боль в правом подреберье;

жёлтый настой с травяным запахом;

странное ощущение жжения во рту;

след от инъекции.

И самое важное — ухудшение, которое продолжалось неделями.

Возможно, яд воздействовал на сердце и нервную систему. Возможно, на печень. Возможно, всё сразу.

Я посмотрела на флакон.

Если это были сердечные гликозиды, мне требовались мониторинг, электролиты, препараты для контроля ритма и анализа. Если алкалоид — совсем другой подход. Если смесь, которую здесь называли лекарством, ситуация становилась ещё хуже.

Я сжала кулаки.

В моём мире я бы уже находилась в реанимации. Мне поставили бы катетер, взяли кровь, подключили монитор, сделали ЭКГ, проверили электролиты и функцию печени. Через пятнадцать минут я знала бы, с чем имею дело.

Здесь у меня были тазик, вода и люди, которые спрашивали разрешения у мужа, прежде чем принести чистую ткань.

Я встала.

Комната снова качнулась, но на этот раз я удержалась. Медленно подошла к окну и дёрнула шнурок колокольчика.

Где-то в стене раздался мелодичный звон.

Я ждала.

Через несколько минут за дверью послышались шаги.

— Войдите, — сказала я.

Дверь открылась не сразу. Сначала показалось лицо Миры, затем она вошла, прижимая руки к переднику.

— Вы звонили, ваша светлость?

— Да. Мне нужно кое-что приготовить.

Мира бросила быстрый взгляд в сторону коридора.

— Граф приказал не тревожить вас.

— Граф сейчас здесь?

— Нет.

— Тогда слушайте меня.

Я вернулась к столу и села, потому что стоять становилось трудно.

— Принесите чистую воду. Не вино, не настой, не молоко. Обычную воду. Кипячёную, если это возможно.

Мира кивнула.

— Ещё соль.

— Соль?

— Чистую. Не ту, что стоит на кухонном столе рядом с мясом.

Она растерянно моргнула.

— Зачем вам соль?

— Чтобы восстановить то, что теряет тело.

Я не стала объяснять дальше. Мира всё равно вряд ли поняла бы, что речь идёт об электролитах и нарушении водного баланса.

— Нужен уголь, — продолжила я. — Толчёный. Если есть медицинский — ещё лучше.

— Уголь для печей?

— Подойдёт древесный, если он чистый и без золы. Но не тот, что горел. И принесите миску, чистую ложку и ткань.

— Я всё передам на кухню.

— Нет. Вы лично принесёте.

Мира снова посмотрела в сторону двери.

— Миледи, я не могу...

— Можете.

Я сказала это негромко, но так, что она замолчала.

В палате я говорила громче санитаров, хирургов и заведующих. Не потому, что любила командовать, а потому, что в критической ситуации никто не должен сомневаться, что делать дальше.

— Если вы передадите распоряжение кому-то другому, мне принесут неизвестную смесь и назовут её лекарством. Если вы хотите, чтобы я осталась жива, принесите то, что я сказала.

Мира побледнела.

— Вы действительно думаете, что вас хотят убить?

— Я думаю, что меня уже пытались убить.

Служанка вздрогнула.

— Но господин граф...

— Не обсуждайте с ним мои распоряжения.

— Он накажет меня.

— Тогда скажете, что исполняли приказ больной графини.

— А если он не поверит?

Я посмотрела на неё.

— Тогда пусть приходит и спрашивает у меня.

Мира несколько мгновений молчала, потом коротко поклонилась.

— Вода, соль, уголь, ткань. Что-нибудь ещё?

— Да.

Я закрыла глаза, вспоминая запахи из флакона.

Горечь. Мята? Полынь? Что-то сладкое, тяжёлое, с древесной нотой. В памяти тела мелькали столы с травами, раскрытые ящики, старая женщина в белом платке. Возможно, это было воспоминание самой Элианы, а не моё.

— Нужен настой из мяты, ромашки и корня солодки, — сказала я. — Но только если травы хранятся отдельно и вы сами их выберете. Никаких готовых смесей.

— Солодки?

— Да.

— Это для желудка?

— Для желудка и горла. Но не давайте мне его, пока я не проверю.

Мира кивнула.

— Ещё найдите человека, который умеет читать. Мне нужны книги о местных травах.

Служанка застыла.

— Книги?

— Да.

— Какие именно?

— Всё, что есть о ядах, лекарственных растениях и болезнях сердца.

Мира смотрела на меня так, словно я попросила приготовить яд для дракона.

— Ваша светлость никогда не интересовались лекарствами.

Вот оно.

Первое прямое подтверждение.

Я повернула голову.

— Никогда?

— Вы... вы обычно не любите даже заходить в лекарский кабинет.

— А теперь люблю.

— Вы сами будете читать книги о ядах?

— Если придётся.

Мира нервно сглотнула.

— Может быть, лучше позвать придворного лекаря?

— Нет.

— Но он знает ваше состояние.

— Он уже лечил меня.

— Он лечил вас по приказу графа.

— И после его лечения мне стало хуже.

Мира опустила глаза.

Она знала.

Не обязательно всё. Возможно, только то, что лекарь приносил настои. Возможно, видела, как я слабела день за днём. Возможно, просто была достаточно умна, чтобы сопоставить очевидное.

— Идите, — сказала я мягче. — И принесите всё сами.

Она поклонилась и вышла.

Я осталась одна.

На этот раз дверь не закрылась до конца. В щели мелькнула тень — кто-то стоял снаружи. Мира или охрана.

Я не стала проверять.

Вместо этого подошла к умывальнику. В чаше оставалась вода. Я умыла лицо, вытерла кожу чистой тканью и снова посмотрела на себя.

Серые глаза.

Тёмные волосы.

Тонкая шея.

Слабость, которой здесь не должно было быть.

Я попыталась вспомнить собственное имя.

Пустота.

Ни лица матери. Ни дома. Ни больницы. Ни коллег. Ни последней операции.

Я знала, что была хирургом, но воспоминания о прежней жизни казались закрытой дверью. Стоило подойти к ней — и возникала боль.

Зато память Элианы постепенно просыпалась.

Не целыми событиями, а вспышками.

Она стояла перед высоким зеркалом в платье цвета слоновой кости. Сзади Селия застёгивала ожерелье.

— Ты слишком бледная, — говорила подруга.

— Маркус сказал, что это красиво.

— Маркус много чего говорит.

— Ты его не любишь.

— Я его боюсь.

— Почему?

Селия молчала.

Другой обрывок.

Небольшая столовая. Маркус сидит напротив, разрезая мясо.

— Лекарь сказал, что у тебя слабый организм.

— Лекарь говорит это уже месяц.

— Значит, ты должна слушать его рекомендации.

— После его рекомендаций я не могу подняться по лестнице.

— Ты преувеличиваешь.

— Я теряю сознание.

— Потому что упрямисься.

Ещё один.

Тёмный кабинет. Закрытая дверь.

Элиана держит в руках лист бумаги.

— Это моё завещание?

— Проект.

— Почему в нём указано, что после моей смерти ты получаешь право распоряжаться землями?

— Потому что ты моя жена.

— Я не мертва.

— Я вижу.

— Но ты уже написал всё так, будто меня нет.

Маркус смотрит на неё долго.

— Иногда нужно готовиться к неизбежному.

Я резко открыла глаза.

Боль в висках усилилась.

Я присела на край кровати и прижала ладонь ко лбу.

Неизбежному.

Слово звучало в голове чужим голосом.

Я должна была провести различие между своими мыслями и чужими. Но сейчас они смешивались. Я ощущала чужую обиду, чужой страх и чужое отчаяние почти так же ясно, как собственную тревогу.

Элиана не хотела умирать.

Она просто не знала, как остановить людей, которые медленно убивали её под видом заботы.

Я не знала, что случилось с её сознанием.

Не знала, почему именно я оказалась в её теле.

Но у меня было достаточно информации, чтобы начать действовать.

Через двадцать минут Мира вернулась.

За ней вошли ещё две служанки и молодой парень с ящиком в руках.

Я сразу заметила, что Мира старалась держаться прямо, но пальцы у неё дрожали.

— Я принесла всё, что смогла, ваша светлость.

На стол поставили:

кувшин с водой;

небольшой мешочек соли;

миску с чёрным порошком;

свёрток чистых полотен;

несколько пучков сушёных трав;

деревянную ложку;

жестяную кружку.

Я проверила каждый предмет.

Вода была прозрачной. Я попросила Миру первой сделать глоток. Она удивилась, но подчинилась.

Соль — крупная, чистая.

Уголь — слишком крупный. Я попросила парня растолочь его мельче.

Травы я перебрала сама. Мята была настоящей. Ромашка — тоже. Корень солодки оказался старым, но пригодным.

— Кто этот мальчик? — спросила я.

— Томас. Помогает на кухне.

— Он умеет толочь травы?

— Да, миледи.

— Хорошо. Томас, вымоешь ступку и пестик кипятком. Потом измельчишь уголь. Не добавлять ничего другого.

Мальчик кивнул.

Он был худым, с рыжими волосами и веснушками на носу. Смотрел на меня так, будто впервые видел, что графиня умеет отдавать распоряжения без помощи мужа.

— И ещё, — сказала я. — Мне нужен таз с горячей водой.

Мира вздрогнула.

— Вам снова плохо?

— Мне нужно вымыть руки и инструменты.

— Какие инструменты?

Я взглянула на флакон.

— Пока нет.

Когда Томас вышел, Мира начала готовить настой.

Я остановила её.

— Не кипятите всё вместе. Сначала промойте травы.

— Так не делают.

— Теперь будут делать так.

Она покорно исполнила приказ.

Всё это время я чувствовала на себе взгляд одной из служанок. Она была старше Миры, с грубыми руками и красными от холода щеками. В какой-то момент не выдержала:

— Миледи, вы раньше никогда не приказывали на кухне.

— Раньше я ошибалась.

Ответ вырвался сам.

Женщина опустила голову.

— Да, ваша светлость.

Я посмотрела на неё.

В её тоне не было насмешки. Только осторожность. И, возможно, страх.

Прежняя Элиана действительно не командовала. Не вмешивалась. Не задавала вопросов. Она позволяла мужу и лекарю решать, что ей пить, когда спать и кому открывать дверь.

Я не собиралась продолжать эту традицию.

Через час мне принесли первую кружку воды.

Я пила маленькими глотками, отслеживая реакцию тела. Тошнота не усилилась. Сердце продолжало скакать, но уже не так резко.

После нескольких глотков воды я добавила в кружку щепотку соли.

Мира с ужасом наблюдала.

— Это точно нужно пить?

— Да.

— Вода с солью?

— Сейчас — да.

— Но это невкусно.

— Я заметила.

Я сделала ещё один глоток.

Организм отчаянно требовал жидкости. Во рту стало чуть влажнее, дрожь уменьшилась.

Уголь я использовала осторожно. Если отравление произошло давно, он не уничтожит уже всосавшийся яд. Но он мог связать остатки вещества в желудке, если они ещё там оставались. Я не знала, сколько времени прошло и что именно мне давали, поэтому решила использовать все доступные варианты, не рискуя лишний раз.

Развела порошок водой.

Мира смотрела на кружку с откровенным ужасом.

— Вы хотите это выпить?

— Да.

— Но это грязь.

— Это сорбент.

— Что?

— Вещество, которое связывает яд.

Служанка перекрестилась — или сделала местный жест, похожий на молитву.

Я выпила смесь.

На вкус она была отвратительной. Сухой, горькой, с песком на зубах. Меня тут же затошнило, но я заставила себя не вырвать.

Несколько минут я сидела неподвижно, прислушиваясь к телу.

Пульс оставался быстрым.

Под правым рёбром болело.

Голова кружилась.

Но дыхание не ухудшалось.

— Позовите лекаря, — сказала старшая служанка.

— Нет.

— Миледи...

— Я сказала нет.

— Он может помочь.

— Он уже помог мне почти умереть.

В комнате стало тихо.

Мира подняла на меня глаза.

— Это серьёзное обвинение.

— Я знаю.

— Если вы ошибаетесь...

— Тогда я извинюсь.

— А если нет?

Я посмотрела на неё.

— Тогда он больше не войдёт в эту комнату.

В этот момент за дверью раздался мужской голос:

— Надеюсь, ты не собираешься принимать решения о лечении без специалиста.

Маркус вошёл, не дожидаясь разрешения.

За ним стоял придворный лекарь.

На лице Маркуса была вежливая улыбка. В руке он держал перчатки, словно пришёл не в спальню больной жены, а на официальную встречу.

— Я уже приняла решение, — сказала я.

— Ты отказываешься от помощи человека, который лечил тебя всю жизнь?

— Он не лечил меня. Он отравлял меня.

Мира тихо ахнула.

Лекарь побледнел.

Маркус закрыл за собой дверь.

— Ты понимаешь, что обвиняешь придворного лекаря в преступлении?

— Понимаю.

— На основании чего?

— На основании симптомов.

— Ты не лекарь.

— Зато я больна. И знаю, что со мной происходит.

— Ты графиня, а не специалист.

— Именно поэтому я не обязана пить всё, что мне приносят.

Маркус остановился перед столом.

— Ты никогда не разговаривала со мной в таком тоне.

Элиана.

Имя возникло в голове вместе с волной страха.

Прежняя графиня действительно никогда.

Она уступала. Молчала. Улыбалась на балах, пока внутри росло отравление. Подписывала бумаги, которых не понимала. Принимала настои от людей, которым не доверяла.

Но я была не ею.

И если этот мир хотел считать меня Элианой Вейр, ему придётся принять хотя бы одно изменение.

Я больше не собиралась умирать тихо.

— Тогда привыкайте, — сказала я.

Маркус замер.

Впервые за всё время он выглядел по-настоящему растерянным.

Лекарь шагнул вперёд:

— Миледи, вам необходимо принять укрепляющий состав. Без него аритмия усилится.

— Какой состав?

— Настой из наперстянки и горького корня.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

Наперстянка.

Сердечные гликозиды.

В правильной дозе она могла использоваться как лекарство. В неправильной — убить человека, вызвав аритмию, тошноту, слабость и нарушения зрения.

Я посмотрела на Маркуса.

Потом на лекаря.

— Вы давали мне его раньше?

Лекарь молчал.

Маркус ответил за него:

— Да.

— Как долго?

— Несколько недель.

Я закрыла глаза.

Симптомы сложились в единую картину.

Хроническое отравление сердечными гликозидами. Возможно, с добавлением другого вещества, влияющего на память и координацию. Доза постепенно повышалась. Вчера произошёл острый приступ.

След от укола мог быть попыткой быстро ввести препарат. Или способом ускорить смерть.

Я снова открыла глаза.

— Все выйдите.

Маркус нахмурился.

— Что?

— Все. Выйдите из моей комнаты.

— Ты не в том состоянии, чтобы...

— Я не буду принимать лекарства от этого человека.

— Элиана.

— Выйдите.

Мой голос прозвучал громче.

Служанки вздрогнули.

Лекарь попятился.

Маркус смотрел на меня несколько долгих секунд. Потом его лицо стало жёстким.

— Ты пожалеешь об этом.

— Возможно.

— Я пытаюсь спасти тебя.

— Тогда начните с того, что перестанете мешать мне спастись самой.

Тишина стала почти осязаемой.

Маркус медленно повернулся к лекарю.

— Оставьте нас.

Лекарь поклонился и вышел.

Глава 4. Чужое тело

После ухода Маркуса я не сразу поднялась с кровати.

Сердце всё ещё сбивалось. Не так резко, как раньше, но каждый лишний удар отдавался в груди неприятным толчком. Под рёбрами тянуло, во рту стояла горечь, а пальцы сохраняли мелкую дрожь.

Я сидела неподвижно и считала пульс.

Десять секунд.

Двенадцать ударов.

Ритм неровный, но более устойчивый.

Я повторила подсчёт через минуту. Показатель почти не изменился.

Слишком мало для спокойствия. Достаточно, чтобы не падать в обморок.

Пока.

Я осторожно встала и подошла к зеркалу.

На этот раз я смотрела на отражение не как на чужое лицо, а как на тело пациента.

Пациента, которого никто не собирался спасать.

Начала с головы.

Зрачки всё ещё были расширены, но реагировали на свет. Медленно, с задержкой, однако реагировали. Я закрыла ладонью левый глаз и поднесла к правому огонь свечи.

Зрачок сузился.

Поменяла стороны.

То же самое.

Значит, полная блокада отсутствовала. Нервная система работала, хотя и с нарушениями.

Я провела пальцами по коже головы, шее, плечам. Волосы были густыми, тяжёлыми, непривычно длинными. Кожа сухая. На затылке — небольшая болезненная припухлость.

Я остановилась.

Пальцы нащупали крошечную корочку, скрытую под волосами.

Сначала я решила, что это обычная царапина. Но под корочкой была точка прокола.

Я принесла к зеркалу свечу и наклонила голову.

Небольшое отверстие. Кожа вокруг него слегка покраснела. След почти зажил.

Не случайная царапина.

Прокол.

Слишком маленький для обычной иглы, но вполне подходящий для тонкого магического стержня или медицинского инструмента.

Я провела пальцем ниже.

Ещё один след обнаружился за ухом.

Там кожа была раздражённой, словно к ней неоднократно прикладывали металлическую пластину или прикрепляли какой-то амулет.

Я не знала, как здесь проводились лечебные процедуры. Но тело помнило неприятное давление, холод, слабость и запах раскалённого металла.

В памяти вспыхнула короткая сцена.

Я лежу на узкой кушетке.

Надо мной склоняется придворный лекарь. В его руке тонкая серебряная игла, от которой исходит голубоватое свечение.

— Держите её крепче, — говорит он.

— Я сама могу лежать, — отвечает Элиана.

— Вам нельзя двигаться.

Слева стоит Маркус.

Он не смотрит на её лицо. Его взгляд прикован к металлической чаше, в которой собирается жидкость, похожая на расплавленное золото.

— Сколько ещё? — спрашивает он.

— Нужно повторить процедуру через три дня.

— Она выдержит?

Лекарь бросает на него быстрый взгляд.

— Если не будет сопротивляться.

— Она будет.

— Тогда придётся связать.

Память оборвалась.

Я прижалась ладонью к зеркалу.

Серебряная игла.

Магическая процедура.

Сбор чего-то, что имело отношение к дару.

Я не знала, что именно они делали, но прежняя Элиана боялась этой кушетки. Это чувствовалось не как воспоминание, а как след в мышцах: плечи напрягались, дыхание становилось поверхностным, пальцы сжимались.

Я отступила от зеркала.

Значит, лекарства были не единственным способом воздействия.

Кто-то регулярно проводил надо мной процедуры.

Возможно, пытался ослабить дар.

Возможно, извлечь его.

Или проверить, не передался ли он ребёнку.

Я не стала строить выводы без доказательств. Пока это была только гипотеза.

Но слишком много гипотез уже совпадало.

Я вернулась к кровати и начала осматривать тело дальше.

Платье или сорочка скрывали большую часть кожи, однако меня не интересовала скромность. Мне нужно было понять, что сделали с организмом.

Я сняла верхнюю одежду и положила её на стул.

Тело оказалось худее, чем выглядело в зеркале.

Не просто стройное. Истощённое.

Рёбра угадывались под кожей, мышцы рук были слабыми, на плечах выступали ключицы. Вес уходил постепенно, неделями или месяцами. Это не могло быть результатом одного приступа.

Я осмотрела грудную клетку.

Дыхание ровное, хотя глубокий вдох вызывал неприятное тянущее ощущение.

На правом боку — желтоватое пятно, след старого ушиба.

На левом плече — несколько мелких круглых отметин. Они располагались почти в ряд, как следы от присосок или металлических дисков.

Я коснулась одного из них.

Кожа была чувствительной.

Воспоминание пришло сразу.

Комната, наполненная запахом ладана.

Элиана лежит на кушетке. На её коже закреплены маленькие серебряные круги. Они светятся синим. Каждый импульс заставляет мышцы сокращаться.

Селия стоит возле стены.

— Это больно? — спрашивает она.

— Нет, — отвечает Элиана.

Но это ложь.

Она стискивает зубы, чтобы не закричать.

Маркус сидит в кресле.

— Почему так долго?

— Дар слабый, — отвечает лекарь. — Он сопротивляется.

— Он должен быть сильнее.

— Графиня истощена.

— Тогда нужно увеличить дозу.

Я резко отдернула руку.

— Проклятие...

Голос дрогнул.

Я снова оглядела отметины.

Процедуры проводились не один раз. Возможно, каждые несколько дней. Возможно, после каждой такой процедуры ей давали настой, чтобы скрыть последствия.

Я начала считать.

След от укола на локте.

Проколы у затылка и за ухом.

Круглые отметины на плече.

Старый синяк на запястье.

Ещё один — на другой руке.

Я повернула кисти ладонями вверх.

На правом запястье виднелась желтоватая полоса. На левом — фиолетовый след, почти сошедший. Синяки располагались так, будто руки удерживали.

Не случайно.

Кто-то связывал её или крепко держал во время процедур.

Я попыталась согнуть левую кисть.

Боль отдала в предплечье.

Сухожилия были целы, но мышцы слабые. Никаких переломов. Возможно, растяжение.

Я начала составлять мысленный список.

Общее состояние:

выраженная слабость;

потеря веса;

сухость кожи и слизистых;

тремор;

нарушения сердечного ритма;

тошнота;

периодические провалы памяти;

ухудшение координации;

боли в правом подреберье;

следы многочисленных инъекций или магических процедур;

старые синяки на запястьях.

Предварительный вывод:

Отравление продолжалось не менее нескольких недель.

Возможно, яд давали малыми дозами. Одновременно организм подвергали процедурам, которые ослабляли его ещё сильнее.

Яд мог накапливаться в тканях. А «лечение» усиливало нагрузку на сердце и печень.

Я подошла к туалетному столику.

На нём лежали расчёска, флаконы с ароматическими маслами, пудреница, несколько баночек с кремами и шкатулка для украшений.

Я открыла одну за другой.

Большинство флаконов имели этикетки. Масло розы. Мятная вода. Состав для волос. Крем с лавандой.

Но в дальнем углу, за коробкой с гребнями, стояли ещё четыре маленьких пузырька. Без этикеток.

Три были закрыты пробками. Один — металлической крышкой.

Я поставила их в ряд.

Первый содержал прозрачную жидкость с белым осадком.

Второй — густую коричневую смесь.

Третий — бледно-жёлтую.

Четвёртый был почти пуст.

Я не стала открывать их все. Одного запаха хватало, чтобы исключить глупость.

Прозрачная жидкость пахла спиртом, горькими травами и чем-то холодным, металлическим.

Коричневая — полынью.

Жёлтая — той же сладковатой горечью, что и настой из первой главы.

Я закрыла пузырьки и завернула их в ткань.

Если мне понадобится доказательство, нельзя позволить кому-то уничтожить его.

В этот момент в дверь постучали.

Я быстро спрятала флаконы под матрас.

— Войдите.

Мира заглянула в комнату.

— Ваша светлость, можно?

— Да.

Она вошла, держа поднос. На нём стояла чашка с настоем, ломоть хлеба и тарелка с бульоном.

Я сразу остановила её:

— Что это?

— Бульон.

— Кто приготовил?

— Кухарка.

— Кто приказал?

— Никто. Я попросила.

— Хорошо.

Мира поставила поднос на стол.

Я внимательно посмотрела на чашку.

— А это?

— Мятный настой. Я сама выбрала травы.

— Из того, что я велела?

— Да.

— Пробовали?

Мира удивлённо распахнула глаза.

— Миледи, это для вас.

— Я знаю. Поэтому и спрашиваю.

Она посмотрела на чашку, потом на меня.

— Вы думаете, что я вас отравлю?

— Нет. Я думаю, что отравить можно даже не зная об этом.

Мира взяла чашку и сделала небольшой глоток.

Я наблюдала за ней около минуты.

Никаких изменений. Она не скривилась, не побледнела, не закашлялась.

Я взяла чашку.

Настой был слабым. Мята перебивала другие запахи, но не полностью. Солодка придавала сладость. Ничего подозрительного.

Сделала один глоток.

Тошнота не усилилась.

— Можно пить, — сказала я.

Мира выдохнула.

— Вы осматривали себя?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы понять, что со мной сделали.

Служанка опустила взгляд.

— Вам делали лечебные процедуры.

— Какие?

— Я не знаю.

— Вы были рядом?

— Иногда.

— Что видели?

Мира молчала.

Я поставила чашку.

— Мира.

Она сжала пальцы.

— Простите, миледи.

— Я не собираюсь наказывать вас за правду.

— Но если господин граф узнает...

— Граф уже знает, что я задаю вопросы.

— Он велел не говорить вам о процедурах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.